

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГИДРОМЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Кафедра отечественной филологии и русского языка как иностранного

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

На тему: Специфика жанра видения в русской агиографии XII – XIV веков

Исполнитель Асварова Лилу Владимировна

(фамилия, имя, отчество)

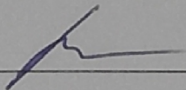
Руководитель кандидат филологических наук

(ученая степень, ученое звание)

Непоклонова Елена Олеговна

(фамилия, имя, отчество)

«К защите допускаю»

И.о. заведующего кафедрой

(подпись)

кандидат педагогических наук

(ученая степень, ученое звание)

Виноградова Марина Владимировна

(фамилия, имя, отчество)

«10» июня 2026 г.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2026

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ЖАНРОВОЙ ПРИРОДЫ ВИДЕНИЙ В ДРЕВНЕРУССКИХ АГИОГРАФИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКАХ.....	9
1.1. Теория жанров и специфика средневековой литературы.....	9
1.2. Формирование древнерусского агиографического канона	11
1.3. Понятие и происхождение жанра видения	19
Выводы к первой главе	25
ГЛАВА 2. АНАЛИЗ ЖАНРОВОЙ ПРИРОДЫ ВИДЕНИЙ В АГИОГРАФИЧЕСКИХ СОЧИНЕНИЯХ	27
2.1 Жанр видения: истоки и этапы развития.....	27
2.2 Особенности жанра видения в XIII века	32
2.3 Художественная специфика видений в агиографии XIV века	39
2.4 Классификация жанровых разновидностей видений в агиографических памятниках.....	41
Выводы ко второй главе.....	44
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	46
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	47

ВВЕДЕНИЕ

Жанр видения является одним из наиболее значимых в средневековой литературе, репрезентирующим базовые ментальные установки средневековой культуры, нуждавшейся в регулярной актуализации точек соприкосновения сакрального и профанного миров. Именно данный жанр в наибольшей степени обладал медиумической функцией, характерной для средневековой литературы: нарративная стратегия этого жанра обеспечивала переживание регулярного взаимопроникновения «земного» и «небесного», актуализируя неслиянность и в то же время нераздельность этих двух реальностей.

Жанр христианского видения возникает в период раннего средневековья, однако в своем генезисе восходит к фольклорно-мифологическим формам повествования. Возникнув на заре средневекового словесного творчества, жанр видения сохраняет в своей основе архаический семантически комплекс, связанный с древними обрядовыми формами переживания исчезновения и появления божества [51, с. 160]. В период становления христианской культуры жанр активно развивался в западных и восточных средневековых литературах. Уже на ранних стадиях развития жанра формируются несколько его разновидностей. Как правило, исследователи выделяют, с одной стороны, эсхатологические видения, посвященные судьбам мира в контексте грядущего перехода человечества от земного существования к бытию на «новом небе и новой земле», пророческо-прогностические видения, открывающие духовно-мистический смысл настоящего и недалекого будущего (нр., видение, связанное с явлением свв. Бориса и Глеба накануне Невской битвы, описанное в нескольких древнерусских памятниках), а также императивно-дидактические видения, предписывающие коллективу через посредничество визионера какие-либо сакрально-ритуальные действия (например, видения, в которых героям являются святые, повелевающие построить храм или указывающие на место обретения чудотворной иконы)

[24, с. 21]. Выделяют и другие разновидности жанра, в частности, видения, связанные с призванием будущего святого на служение Церкви или предшествующие важным этапам его жизненного пути. В настоящее время не существует полной классификации жанровых разновидностей видений, в работах исследователей рассмотрены только некоторые из них.

Не менее различны и принципы инкорпорирования жанра видения в иные более крупные жанровые образования. Известно, что если первоначально видения существовали как т.н. «малая форма» [23] внутри памятников различных жанров средневековой словесности – в составе хроник, поучений, житий и т.д., то постепенно этот жанр обретал все большую самостоятельность: от отдельного сюжетного эпизода – к законченной «истории» внутри сборника и, наконец, в качестве самостоятельного литературного произведения. Этот процесс постепенного выделения жанра в самостоятельную форму не отменяет его дальнейшего функционирования внутри иных жанровых систем, тем самым, варианты видений разной степени самостоятельности сосуществовали в рамках одного периода истории литературы.

В нашей работе основное внимание будет уделено периоду становления и развития жанра в древнерусской литературе, когда видения еще не выделились в самостоятельный жанр. Этим обусловлены временные рамки, заявленные в теме исследования – XII – XIV вв.

Несмотря на то, что жанр видения раннего периода древнерусской литературы относится к т.н. «инкорпорированным» («вставочным») жанрам древнерусской литературы [13], его роль как структурного элемента более крупных жанровых форм чрезвычайно важна в силу как содержательных, так и формальных, в частности, жанрообразующих, особенностей. Видения представляют собой достаточно уникальное явление в средневековой, и в частности, в ранней древнерусской литературе, являясь, с одной стороны, самостоятельным жанровым образованием, сохраняющим содержательное, структурное и стилистическое единство, а с другой, -- частью более крупной

жанровой формы, чаще всего агиографического литературного произведения. Данное явление связано как с общей эволюцией жанровой системы средневековой (и в частности – древнерусской) литературы, на ранних этапах которой наблюдается недостаточная дифференцированность, равно как и недостаточная формальная определенность некоторых жанров (и, в силу этой особенности, склонность к комбинированию различных жанровых форм в одном произведении [13]), так и со спецификой ранней средневековой агиографии, в которой в сложном синтезе взаимодействуют различные жанровые «языки»: биографический, новеллистический, проповеднический и другие [13]. Таким образом, изучение жанровой природы видений как самостоятельного элемента агиографического канона затрагивает целый ряд фундаментальных вопросов современного литературоведения, касающихся, в первую очередь, принципов диалогического взаимодействия «малых» жанровых форм, инкорпорированных «большими» жанрами средневековой литературы, принципов сохранения внутренней целостности входящих в «большой жанр» отдельных жанровых форм и т.д.

Несмотря на то, что жанровая природа видений, как и феномен жанрового синтеза в средневековой литературе, достаточно давно попали в поле зрения исследователей, жанровое своеобразие видений как важной составляющей агиографического канона и диалог с другими жанровыми явлениями в его рамках до сих пор остаются недостаточно изученными. Так, большинство исследователей жанра видения, опираясь на теорию жанрового синтеза М.М. Бахтина, часто отмечают «диалог жанров» в произведениях средневековой и, в частности, древнерусской литературы, но не рассматривают детально принципы взаимодействия видений с другими жанровыми явлениями в структуре агиографического канона. Изучению жанрового своеобразия видений как таковых уделялось гораздо больше внимания. Так, отдельно рассматривались содержательные аспекты жанра [27], сюжетно-композиционный уровень организации произведений, хронотоп, топики, особое внимание уделялось в последние годы эволюции жанра видения как

внутри агиографического жанра, так и в аспекте формирования статуса самостоятельного жанрового явления [24].

Вместе с тем, комплексного рассмотрения художественной природы жанра видения и принципов его диалогического сосуществования с другими жанровыми структурными элементами агиографического канона на материале древнерусской литературы до сих пор не производилось. В нашей работе предлагается анализ жанровой специфики видений в памятниках древнерусской литературы XII-XIV вв. как одного из наиболее значимых структурных элементов «обрамляющего» жанра [24]. В центре нашего внимания будут сюжетно-композиционные функции видений в составе житийных памятников. Не менее актуальным, на наш взгляд, является разработка детализированной классификации жанровых разновидностей видений, как значимого компонента агиографического канона. Большинство исследователей выделяет несколько разновидностей жанра, ориентируясь исключительно на функционально-семантический критерий. Вместе с тем, представляется важным выделить и другие критерии, обусловленные художественной формой агиографического произведения, а также выделить совокупность критериев, на основании которых возможно детализировать существующие классификации.

Таким образом, актуальным, на наш взгляд, представляется исследование функций жанра видения внутри более крупных жанровых образований, прежде всего, на сюжетно-композиционном, пространственно-временном, образном, мотивном и других уровнях организации литературного произведения.

Жанровой природе видений уделялось пристальное внимание в работах С.С. Аверинцева, Б.И. Ярхо, В.В. Топорова, А.В. Пигина и других исследователей. Так, С.С. Аверинцев акцентировал внимание на сюжетно-композиционном и образно-мотивном уровнях видений, собственно жанровой специфике особое внимание уделял в своих работах Б.И. Ярхо. В работах этого исследователя впервые были выявлены основные жанровые характеристики

видений, такие как наличие героя-визионера, мотив границы двух реальностей и ее пересечения, символические указания на иномирных персонажей и т.д. В монографии А. Пигина рассмотрены генезис и функции жанра видения, роль фольклорных элементов в произведениях данного жанра. Вместе с тем, сами механизмы инкорпорирования жанра видения в произведения крупной формы практически не рассматривались исследователями, что обуславливает актуальность нашего исследования. [36]

Таким образом, актуальность исследования обусловлена отсутствием целостного описания жанровой модели видений в древнерусских памятниках, а также недостаточной изученностью принципов инкорпорирования видений как «малых форм» в крупные жанровые структуры древнерусской агиографии.

Объектом исследования являются памятники древнерусской агиографии XII-XIV вв.

Предметом исследования являются жанровые особенности видений как структурного элемента агиографического канона.

Основные памятники, рассмотренные в работе, это «Житие Феодосия Печерского», «Киево-Печерский патерик», «Житие Евфросинии Полоцкой», «Житие Александра Невского» и другие памятники указанного периода.

Цель исследования: изучить жанровое своеобразие видения, механизмы его инкорпорирования в качестве структурной единицы в произведения житийной литературы и функции этого жанра внутри более сложного жанрового образования.

Для достижения поставленной цели требуется решение следующих **задач:**

- выявить корпус памятников агиографической литературы, в которых видение является значимым структурным элементом;
- разработать классификацию жанровых разновидностей видений, описать специфические особенности каждой из них;
- описать способы включения видений в состав агиографического произведения;

— выявить основные функции видений в житийном повествовании.

В работе применяются **методы:** сравнительно-типологический, структурный, историко-культурный. Методологической основой исследования являются работы С.С. Аверинцева, М.М. Бахтина, В.И. Тюпа, Б.И. Ярхо, Ю.М. Лотмана, В.В. Топорова и других авторов.

Научная новизна исследования заключается в подробном рассмотрении художественного своеобразия жанра видения на этапе его инкорпорирования в жанровую структуру произведений древнерусской агиографии.

Структура работы: работа состоит из введения, основной части, деленной на две главы, заключения и списка используемой литературы.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ЖАНРОВОЙ ПРИРОДЫ ВИДЕНИЙ В ДРЕВНЕРУССКИХ АГИОГРАФИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКАХ

1.1. Теория жанров и специфика средневековых больших и малых жанровых форм

Теория жанров в литературоведении – это широкое предметное поле исследований, посвященных проблемам генезиса, эволюции, классификации художественных произведений, а также их внутренней организации. В рамках теории жанров исследуются классификации жанров на основе различных признаков, таких как стиль, структура, тематика и др., описывается происхождение, история и трансформации жанров, например, происхождение романа из античного эпоса и т.д., исследуется структура и архитектоника произведений литературы.

В современных исследованиях жанр рассматривается как исторически развивающаяся система или «исторически продуктивный тип высказывания» [47, с. 31-42], реализующий определенную коммуникативную стратегию. Любой жанр представляет собой гибкую структуру, реагирующую на культурно-исторические процессы и находящуюся в процессе непрерывного эволюционирования.

Современная теория жанров основывается на положениях, сформулированных в работах М.М. Бахтина, прежде всего на его учении о речевых жанрах. М.М. Бахтин полагал, что любое высказывание непременно возникает в той или иной жанровой форме. Таким образом, по Бахтину, нет принципиальной границы между «литературными» и «речевыми» жанрами, литература является, тем самым, разновидностью коммуникативной деятельности. При этом в работах М.М. Бахтина предлагается разделение на «первичные» и «вторичные» речевые жанры. Если первичные жанры, по мнению исследователя, возникают в условиях непосредственного устного общения, то вторичные формируются в условиях более сложного культурного

общения, поскольку они способны творчески перерабатывать первичные жанры, которые внутри более сложного целого утрачивают исходные бытовые функции и приобретают новое, эстетическое содержание [12, с. 159—206.].

На основе указанных положений М.М. Бахтина появляется возможность исследования в аспекте теории жанров средневековых литературных произведений различных жанров.

Не менее значимым для теории жанров являются работы В.Н. Тамарченко и других исследователей, определивших понятие «жанрового канона», под которым понимается исторически сложившаяся система правил и норм, которой следует автор. Кроме того, понятие «внутренней меры жанра» позволяет учитывать, что внутри канона остается возможность вариативности сюжетных элементов в зависимости от авторской стратегии.

Теория жанров получила системное развитие в работах В.Н. Тюпы. Так, В.Н. Тюпа рассматривает жанр не как набор внешних признаков, а как «тип целостности» [47] художественного высказывания. Исследователь рассматривает жанр как форму коммуникации автора и читателя, определяющий характер их диалогического взаимодействия. В.Н. Тюпа называет событием произведения не само его содержание, а факт рассказывания, понимаемый как диалог сознаний автора и читателя. В работах исследователя жанр предстает как сложная структура, включающая следующие уровни:

- тематический;
- проблемный;
- аксиологический.

Кроме того, центральной категорией теории жанров, по мнению В.Н. Тюпы, является модус авторского отношения к изображаемому. К таким модусам исследователь относит героический, идиллический, трагический, сатирический и др. Именно модус, по мнению ученого, определяет основные структурные принципы любого произведения. Сюжетные схемы по отношению к модусу являются вторичными [47]. В результате жанр предстает

в его работах как форма культурной памяти, Анализируя жанр, мы имеем дело с типом мировидения автора и его эпохи.

Средневековая литература как литература традиционалистского типа отличалась установкой на «готовое» слово и ориентацией на нормативную поэтику. Это необходимо учитывать в нашем исследовании, рассматривая взаимодействие жанровых модальностей в древнерусских памятниках XII-XIV вв.

1.2. Формирование древнерусского агиографического канона

Литература средневековой Руси берет свое начало в X веке, когда происходит Крещение князем Владимиром. Источником письменных памятников литературы, и собственно письменности, становятся соседние страны — Византия и Болгария. Болгария, которая уже успела усвоить многовековую византийскую литературу, дала целый комплекс богослужебных книг, также книг, связанных с христианским мировоззрением. [28, с. 14-33]

Вместе с переводами усваивались различные жанры древнерусской литературы. Они зависели от «практической цели», назначения, ради которого они создаются. Церковные жанры – жития, проповеди, поучения, песнопения — выполняли конкретные функции в богослужебной практике. Летописи служили нуждам политической жизни, где исторические сведения имели особое значение. Описание хождений в другие страны важны для назидательного чтения и для практических целей паломничества. [28, с. 49]

В Древней Руси наибольшей распространённостью пользовалась агиографическая литература. Посредством ее церковь стремилась дать примеры практического применения христианских истин.

Термин «агиография» используется нами в соответствии с принятой в современной отечественной науке традицией как синоним понятия

«житийная литература». Это «раздел христианской литературы, объединяющий жизнеописания христианских подвижников, причисленных Церковью к лику святых, чудеса, видения, похвальные слова, сказания об обретении и перенесении мощей». [11]

Древнерусская агиография, будучи одним из наиболее распространенных и авторитетных жанров средневековой словесности, не являлась монолитной в жанровом отношении. Она представляла собой сложную и разветвленную систему, в основе которой лежала классификация по типу христианского подвига святого и, соответственно, по композиционно-содержательной структуре самого житийного текста.

В византийской традиции, унаследованной и творчески переработанной древнерусскими книжниками, по объему излагаемого биографического материала сложились две основные разновидности житий:

- 1) Биографическое житие давало описание жизни подвижника от рождения до смерти;
- 2) Мученическое житие было посвящено исключительно повествованию о мученической кончине святого, что делало эту форму более древней и документально строгой.

Однако основополагающим принципом жанровой дифференциации внутри агиографии стало различие святых по роду их подвига. Это привело к формированию нескольких устойчивых типов житий, каждый из которых обладал своими характерными особенностями.

- 1) Жития мучеников и страстотерпцев занимали особое место в иерархии агиографических жанров. К этому типу относились повествования о святых, претерпевших тяжелые мучения и проявивших исключительную твердость в вере. В древнерусской традиции особое распространение получила разновидность «страстотерпцев» — святых, принявших смерть не от язычников, а от своих же единоверцев. Классическим образцом этого жанра стало

«Сказание о Борисе и Глебе», где впервые на русской почве была разработана тема невинного страдания.

- 2) Преподобнические жития повествовали о святых, чей подвиг заключался в монашеском аскетическом делании — отказе от мирских привязанностей, посте и молитве. Этот тип агиографии был наиболее распространен на Руси, что было обусловлено особым почитанием монашеского подвига. Жития преподобных, как правило, включали подробное описание аскетических трудов, борьбы с бесами и дарования святому благодатных даров прозорливости и чудотворения. Именно к этому типу принадлежат такие выдающиеся памятники, как «Житие Феодосия Печерского» (классический образец жития основателя монастыря) и «Житие Сергия Радонежского», созданное Епифанием Премудрым.
- 3) Княжеские жития представляли собой самобытную русскую разновидность агиографического жанра, не имевшую прямых аналогий в византийской традиции. Центральным персонажем здесь выступал князь-правитель, который прославлялся не только за благочестие, но и за воинские доблести, защиту Русской земли и государственную мудрость. Ярчайшим образцом этого поджанра стало «Житие Александра Невского», в котором черты воинской повести органично сочетались с агиографическим каноном. Автор прославлял князя не только как святого, но и как идеального воина-христианина и искусного полководца.

Существовали и другие, менее распространенные разновидности: «жития святителей» (святых из епископского сана), «жития праведных мирян», а также жития «юродивых Христа ради», избравших особый, парадоксальный путь святости через облик безумия ради «поругания миру».

Русская агиографическая традиция с самого начала формируется как самобытное явление, приобретая ряд уникальных черт. Одной из важнейших, как отмечали многие исследователи, становится появление особого типа

святости — страсотерпчества, не имевшего аналогов в византийской традиции. Первыми канонизированными на Руси святыми этого типа стали Борис и Глеб. По замечанию историка Г. П. Федотова, они были первыми признанными избранниками Русской Церкви, ее чудотворцами и небесными заступниками за «новых людей христианских», предполагается, что и почитание стало всенародным задолго до официальной канонизации. Вероятно, на это повлияло включение образов Бориса и Глеба в фольклорно-мифологическую систему представлений о ранней смерти благочестивых людей как некой аномалии-катастрофе, которая является следствием нарушений запретов, преступлений и т.д. и требует искупления [50, с. 35].

Не менее оригинальным на фоне византийской агиографии является тип святости, который получил название «святые благоверные князья». С одной стороны, в Византии существовал подобный тип святости, относящийся к императорам и их супругам, однако он не имел широкого распространения, исследователи насчитывают не более двух десятков имен. Однако на Руси этот тип святости оказался одним из любимых народом, что, вероятно, также связано с архаическим семантическим комплексом, прежде всего, мотивом страдающего, умирающего и возрождающегося божества [50].

Помимо типа святости «святые благоверные князья» не менее распространенным было почитание преподобных, а также святителей. Наряду с этим важное место занимает культ преподобных и святителей. Это связано с популярностью образов древних преподобных святых, таких как Антоний Великий, Феодосий Великий и др. Под влиянием житий этих первых христианских преподобных святых сформировался и древнерусский образ преподобного, в первую очередь, это образ Феодосия Печерского, оказавший большое влияние на традицию древнерусских житий преподобных святых. На фоне византийской традиции, образ древнерусского преподобного включает несколько смягченный и адаптированный к условиям русской жизни аскетизм (смягчение происходит за счет климата, например, древнерусские подвижники постепенно отказываются от «пещер» и возводят наземные строения, вместо

или помимо «вириг» часто фигурирует терпение холода, комаров и т.д.). При этом аскетизм сочетается с вниманием и заботой о людях, причем, не только о монашеской общине, но и о всех, кто посещает монастырь. Как отмечали многие исследователи, древнерусская концепция монастыря имеет свою специфику: монастырь предстает как средоточие духовной жизни народа [22], как утверждение внесловного равенства христиан перед Божественной истиной, ценности каждой человеческой души. Эта концепция находит выражение прежде всего в деятельном служении преподобного всем людям, вне зависимости от их социального положения, убеждений, меры греховности и т.д. Кроме того, в образе преподобного отмечаются и другие особенности в древнерусских памятниках. Например, в отличие от византийских памятников, в древнерусской литературе появляются абсолютно новые мотивы, в частности, отмеченный В.Н. Топоровым мотив «худых риз» [46]. В работе «Святость и святые в русской духовной культуре» В.Н. Топоров отмечает, что в житии «Феодосия Печерского» закладывается основа для важнейшей аксиологической составляющей образа праведника – стремление к социальному опрощению. На протяжении всего жития Феодосия подчеркивается его тяготение к «худым ризам», снижению социального статуса как переживание одной из главных евангельских максим о «равенстве людей во Христе» [46, с. 611].

Так же оригинален и тип святости «святители». В отличие от этой модели в византийских и других памятниках, в древнерусской литературе появляются абсолютно новые мотивы, в частности, мотив просветительской деятельности [9, с. 3-4].

Исследователи по-разному характеризовали типы святости и их влияние на поэтику житийного жанра. Практически все отмечают условность образа святого [9], жесткую последовательность мотивов, связанных с каждым из типов. По сути, тип святости задает определенный тип сюжета с присущей ему последовательностью мотивов. Также отмечается идеологический контекст подобной структуры. Заранее сложившийся канон положительного

идеального героя определяет характер повествования, отобранные детали, которые повторяются из одного текста в другой. Д.С. Лихачев характеризует эту особенность как «литературный этикет» [27, с. 24-31]: автор вкладывает в уста святого и других персонажей готовые формульные слова, отбирает эпизоды, восходящие к самым первым житиям данного типа святого. В свою очередь, все, что противоречило заранее готовой модели, не могло быть включено в житийный памятник.

Вместе с тем, как многократно отмечалось исследователями, невозможно говорить о вымысле в древнерусской литературе. Следует различать обусловленное традицией «готовое слово» и слово, намеренно вымышленное. Второе в древнерусских памятниках не было возможным в связи со спецификой средневекового мышления, которое, как и мифологическое, основывалось на вере в излагаемые события. Это не мешало авторам агиографических сочинений использовать «готовые» словесные формулы и сюжетные ситуации из ранних авторитетных памятников того же типа, например, из житий первых христианских преподобных. Эти повторяющиеся сюжетные ситуации и их словесное наполнение воспринимались как особого рода язык, благодаря которому указывается не на оригинальное, а на универсальное в образе святого определенного типа святости. При этом часто особое значение имела одноименность византийского и древнерусского святого помимо общего типа святости. Этим обусловлено увеличение количества повторений в житиях, например, Феодосия Великого и Феодосия Печерского, в образах Антония Великого и Антония Печерского и т.д.

Такая работа древнерусского автора с предшествующим литературным материалом связана с характерной для средневековой культуры установки на универсальное, общие нормы и принципы духовной жизни человека, с одной стороны, и с отсутствием интереса к частной жизни, индивидуальным подробностям характера и бытовой жизни – с другой. Рассказ о жизни святого имел в первую очередь назидательный характер, должен был настраивать

читателя на молитвенное обращение к герою произведения, поэтому любые «внешние» по отношению к этой задаче подробности считались праздным любопытством, отвлекающим и даже препятствующим главной цели - непосредственной молитвенной духовной встрече читателя и героя. Устойчивые стилистические особенности текста, ожидаемая последовательность мотивов и способствовали такой установке автора и читателя агиографической литературы. Эстетическая сторона текста оставалась при этом вторичной, на первом месте оказывалась дидактика, проявлявшаяся в риторически организованных фрагментах текста, а также в молитвенных «вставках», «кольцевой молитве» памятников и т.д.

Житийный канон включает устойчивую последовательность мотивов и сюжетных ситуаций, восходящих, как отмечалось выше, к фольклорно-мифологической традиции. Это, в частности, мотив «чудесного рождения», обнаруживающийся в рассказах о различных предзнаменованиях и пророчествах, а также откровениях и видениях, сопровождавших рождение святого. Краткий рассказ о детстве святого включает мотив «благочестивых родителей», обращается внимание прежде всего на силу их христианской веры и убеждений, что проявляется в непрерывной молитве, особом воздержании родителей, которые оказываются способны вырастить в благочестии и будущего святого.

Если же по какой-то причине данный мотив отсутствует и, наоборот, среда взросления святого не отличается благочестием, то сюжетообразование выстраивается на основе изображений духовной борьбы святого с препятствиями, непременно увенчивающейся победой. Кроме того, изображение детства святого включает ряд специфических мотивов, в частности, особое благочестие (кротость, терпение, труд, молитва, прилежание). Часто встречается мотив «отказ от игр со сверстниками», что является знаком особой избранности святого, знак отказа от мирского жизненного пути, на котором игра является важным фактором становления. С юности начинается его подвижнический путь, который чаще всего проходит в

монастыре или в уединении. Этот этап сопровождается строгой аскетичностью, направленной на подавление телесных желаний и борьбу со страстями. В ряде сюжетов святой прибегает к самоистязанию, чтобы преодолеть искушения плоти.

Нередко в житиях описываются испытания, посылаемые нечистой силой: бесы олицетворяют внутренние соблазны, однако святой побеждает их с помощью молитвы, поста и духовной стойкости. Ему приписывается дар чудотворения и способность к общению с высшими силами. Завершение жизненного пути святого обычно изображается как спокойное и безболезненное: его кончина сопровождается чудесными знамениями, а мощи становятся источником исцелений. Традиционно повествование завершается прославлением святого.

С точки зрения внутренней организации житие во многом сходно со светской повествовательной традицией. В нем присутствуют элементы психологического анализа, особенно в изображении главного героя, чьи мысли и внутренние переживания передаются через монологи. Часто используются лирические формы — плачи, причитания, — а также диалоги, придающие повествованию динамику и драматизм. В отдельных случаях автор отходит от последовательного изложения событий, включая собственные размышления, нередко эмоционально насыщенные и подкрепленные библейскими цитатами. Иногда встречается и краткое описание внешности святого, выполненное в схематичной форме через перечисление характерных черт.

Исследователи по-разному объясняют наличие повторяющихся элементов в агиографической литературе. Так, Д. С. Лихачёв связывает это явление со стремлением авторов следовать установленному литературному этикету. По его мнению, в эпоху феодальной раздробленности жизнь человека во многом определялась системой традиций, обрядов и норм поведения, глубоко укоренившихся в общественном сознании. Такая регламентированность неизбежно находила отражение и в культуре, в том числе в литературе.

Исходя из этого, Лихачёв утверждает, что сходство образов, формул и выражений обусловлено не столько особенностями конкретного произведения, сколько характером изображаемого героя. Одни и те же художественные приемы используются в разных жанрах в зависимости от типа поведения и жизненного пути персонажа. Иными словами, выбор устойчивых выражений определяется не жанром текста, а предметом изображения: именно он задаёт набор традиционных формул, соответствующих литературному этикету. Герои действуют, мыслят и говорят так, как это принято в определённых жизненных обстоятельствах, а автор воспроизводит их по заданным образцам.

Д.С. Лихачёв определил, что указанные Сказание и Житие определили две главные группы житийных сюжетов: 1) одни посвящены теме идеального христианского героя, ушедшего из мирской жизни, чтобы обрести вечную жизнь после смерти; 2) вторые стремятся обосновать своим поведением общехристианский и феодальный идеал [28].

Создатели житий ориентировались прежде всего на Священное Писание, поскольку евангельские и библейские образы служили для христианина основным нравственным ориентиром. Подражание этим образцам, а также следование литературному этикету способствовали формированию устойчивых агиографических формул, многие из которых, как отмечают исследователи, восходят ещё к античной традиции.

Подобные повторяющиеся элементы принято обозначать как мотивы, характерные для различных типов агиографических произведений в зависимости от вида святости героя. В данном контексте мотив понимается как тематическое единство, повторяющееся в разных текстах. [43]

1.3. Понятие и происхождение жанра видения

Видения, как жанр, сформировался не сразу. Они относятся к тому типу литературных текстов, который получил самое широкое распространение в

эпоху средневековья, а именно литературе откровений. К ней может быть причислено любое сочинение, созданное с намерением обнародовать прямое послание Господа (либо его святых или ангелов). В силу этого содержание текстов такого рода может быть весьма разнообразным: описание образов скрытой реальности (сведения о потустороннем мире и его обитателях); предупреждение о грядущем наказании или обещание благ; повеления, относящиеся к конкретным ситуациям (например, об основании монастыря). Если первоначально видения были преимущественно прямым отражением непосредственного религиозного опыта, то в последующей традиции все более значительной становится роль осознанного вымысла или целенаправленных фальсификаций. Видения дошли до нас в виде литературных текстов разного рода: эпически структурированных повествований, проповедей, автобиографий, памятников агиографии и историографии и т.д. [21]

Если обратиться к общей картине эволюции жанра видений в древнерусской и западноевропейской средневековой традициях, то можно обнаружить, что процессы здесь протекали во многом сходным образом. Как показывает Б. И. Ярхо: «Для средних веков ход эволюции (видений) совершенно ясен: видения, сначала играющие лишь служебную роль в составе других сочинений, постепенно эмансипируются и завоевывают себе право на самостоятельную обработку. Самые ранние видения нашей эпохи являются лишь случайным материалом, служащим вместе с различными другими элементами для построения больших композиций... такого рода видения еще не велики по размерам и несложны по построению; но по мере развития жанра эти виды не уступали места новым типам, а продолжали существовать и иногда достигали не меньшего совершенства, чем другие» [52, с.31].

В древнерусской книжной традиции видения бытовали в двух основных формах. С одной стороны, они встречаются как вполне самостоятельные произведения, дошедшие до нас в многочисленных рукописных списках. С другой стороны, значительно чаще видения включались в состав разнообразных сборников дидактического, то есть

поучительного, характера — таких, как патерики (сборники рассказов о подвижниках), прологи (краткие житийные сборники) и Четьи-Минеи (собрания житий святых, расположенных по дням года).

На раннем этапе своего существования видения встречаются исключительно как «малая форма» в составе других жанров средневековой словесности — агиографии, исторических сочинений, проповедей и др. В древнерусской литературе первая фиксация видений выявлена в летописном памятнике — «Повести временных лет» (XII в.). В виде отдельных сочинений видения начинают появляться в XVI веке (например, «Видение Хутынского пономаря Тарасия», «Повесть о видении Антония Галичанина»), сосуществуя при этом наряду с видениями, которые продолжают включаться в памятники иной жанровой принадлежности.

С определенной долей условности по содержанию все видения можно разделить на три группы. Первая тематическая группа — это эсхатологические видения. К ней относятся видения о конце света и Страшном Суде (так называемая «большая» эсхатология), а также видения о загробной жизни, посмертной участи души, воздаянии за добро и зло, об устройстве ада и рая («малая» эсхатология).

Вторая тематическая группа видений раскрывает сакральный смысл драматических событий земной жизни. В них Божьи посланники возвещают о природных и социальных катаклизмах как о знаках Божьего гнева и предупреждении о наказании за грехи. Зачастую такие видения являются непосредственным откликом на стихийные бедствия и переломные исторические события.

Третья тематическая группа — это видения, регламентирующие духовную жизнь христианина. Они призваны наладить взаимосвязь земного и небесного мира, помочь христианину в исполнении Божественной воли. В этих видениях божественные силы велят тайнозрителю построить церковь, основать монастырь, указывают ему на местонахождение святых мощей или чудотворной иконы, предписывают особым образом совершать церковные

таинства и обряды. Последнее – указания относительно догматов и литургики – получило наибольшее распространение в среде русского старообрядчества.

Прежде чем перейти к анализу конкретных текстов, необходимо сразу же оговорить те критерии, которые позволяют нам отнести то или иное произведение именно к жанру видений. Центральное требование, предъявляемое к текстам этого жанра, заключается в следующем: человек, удостоенный божественного откровения, так называемый визионер или тайновидец, «должен воспринимать содержание видения чисто духовно». Это условие связано с тем, что жанр видений не является исключительно порождением литературной традиции — его корни лежат гораздо глубже, в непознанных до конца явлениях человеческой психики и физиологии. Как справедливо отмечается в исследовательской литературе: «Необходимо взглянуть на них как на психофизиологическое явление, в основе которого лежат три фактора — летаргическое состояние, галлюцинации и сновидения». Таким образом, под видениями мы будем понимать те рассказы, в которых присутствуют прямые указания на таинственный, пограничный характер обстановки, в которой происходит откровение. Это может быть сон, состояние молитвенного экстаза, предсмертная агония — словом, любые состояния, находящиеся на грани между реальным и ирреальным мирами. На этот пограничный характер указывают и особые стилистические «формулы», закреплённые за данным жанром: «бысть во исступлении», «бысть в восторзе», «в видении ужасне» и тому подобные выражения. Кроме того, в тексте видения, как правило, непременно называется и та причина, которая это видение вызвала, что также служит важным жанрообразующим признаком.

[24]

Особое внимание древнерусских книжников привлекали эсхатологические части Жития, в которых описаны видения Рая и ада, хождения по мытарствам, видение Страшного суда, повлиявшие на становление русских эсхатологических видений и восточнославянскую эсхатологию в целом [40]

Б.И. Ярхо первым, опираясь на структурно-содержательные признаки видений, описал парадигму жанра видений. Кроме того, ученый обратил внимание на эволюцию этого жанра.

Продолжением филологического изучения эсхатологических видений, но уже на русском материале, стали работы А.В. Пигина. Ему принадлежит исследование и публикация нескольких памятников, написанных в традициях древнерусских видений. Позднее ученым было опубликовано монографическое исследование «Видения потустороннего мира в русской рукописной книжности», в котором им были рассмотрены проблемы генезиса жанра, жанровой специфики и топики видений, воссоздана общая картина представлений древнерусского человека о загробном мире. Для анализа исследователем был привлечен широкий материал эсхатологических древнерусских и старообрядческих видений, а также фольклорных обмираний XV–XX вв.

Независимо от Б.И. Ярхо, Н.И. Прокофьев на своем материале пришел к сходным выводам, что не только повышает ценность полученных результатов, но и свидетельствует об универсальности выявленных закономерностей эволюции жанра видений, а также их жанровых и структурных особенностей. Оба исследователя заключили, что ранние видения существовали исключительно в составе других сочинений, и лишь в процессе дальнейшей эволюции выделились в самостоятельные повествования. Для видений характерен особый тип героя – очевидец (иначе называемый тайновидцем, тайнозрителем или визионером). Его образ, по мнению ученых, восходит к библейским пророкам, однако в средневековых литературных памятниках тайнозрителем нередко становится человек невысокого социального происхождения либо представитель низших слоев духовенства – например, крестьянин или пономарь.

На материале западноевропейских видений Б.И. Ярхо выявил, что в основе психофизического состояния очевидца видения лежат три возможных фактора: летаргическое состояние, галлюцинации (в экстазе или бреде) и

сновидении. Что касается древнерусских видений, то они, как правило, происходят в особом психическом состоянии, именуемом «тонким сном».

Помимо образа тайнозрителя оба исследователя подробно остановились на структурных особенностях жанра. В самом общем виде рассказ о видении состоит из трех частей: описания обстоятельств, при которых произошло видение; самого видения; и резюмирующей части, которая, впрочем, присутствует не всегда. Как пишет Б.И. Ярхо, эсхатологические видения средневековой Европы восходят к учению святого Григория Великого о чистилище и аде, а также к представлениям о местах блаженства и райских поселениях. Последнее связано либо с языческой древностью (луг блаженных как место временного пребывания души), либо с иудейско-христианскими представлениями об истинном Царствии Божием или Небесном Иерусалиме как месте вечного пребывания праведников. Трехчастная схема видений, согласно Б.И. Ярхо, в своей средней части учитывает различные варианты загробной участи человеческой души.

Структура видений, представленная в работе Н.И. Прокофьева [37], отличается большей дробностью и включает следующие составляющие:

- 1) молитва или раздумье тайнозрителя, после чего он впадает в «тонок сон»;
- 2) собственно видение, во время которого чудесные силы сообщают тайнозрителю откровение, разрешая какой-либо вопрос или призывая к действию;
- 3) пробуждение и испуг тайнозрителя;
- 4) постижение тайного смысла откровения;
- 5) приказание о проповеди откровения среди народа.

Отечественными учеными были рассмотрены также и частные аспекты изучения жанра видений. В частности, проанализированы языковые средства, с помощью которых автор создает «эффект реальности» видений; исследованы вопросы влияния ранних памятников на более поздние; рассмотрены взаимосвязи литературного жанра с иконографической традицией; изучено

соотношение северорусских видений с видениями других агиографических традиций, а также особенности включения жанра видений в эпистолярный жанр.

Обобщая наблюдения исследователей, обращавшихся к жанру видений в контексте агиографической и патериковой литературы, можно выделить несколько ключевых подходов. Так, Л.А. Ольшевская, рассматривая особенности видений в составе патериковых житий, отметила, что они имеют упрощенную структуру по сравнению с видениями, описанными Н.И. Прокофьевым: в них «отсутствует вступление – молитва визионера, апелляция к высшим силам для разрешения какого-то жизненно важного вопроса». Основной функцией видений исследовательница считает «логическое и психологическое объяснение (сверхъестественными причинами) перехода житийного героя от одного состояния к другому, “качественный скачок” в его поведении». [34, с. 240-244]

В свою очередь, В.В. Кусков рассматривает видение как частный случай чуда. По наблюдениям ученого, в патерике (и, в частности, в рассказах о чудесах) проявляется принцип соотнесения событий монастырской жизни с историческими событиями того времени с целью доказательства истинности происходящего. Кроме того, исследователем отмечено, что чудеса являются основой рассказов патерика: они помогают реализовать их цель и, как следствие, замысел всего патерика в целом.

Выводы к первой главе

Рассмотрение истории древнерусской агиографии и ее изучения в отечественной научной литературе позволило обобщить результаты исследований и выделить основные особенности древнерусского житийного канона. Этот канон, с одной стороны, сложился под влиянием византийской агиографической литературы, воспроизводя основные его особенности, но, с другой стороны, имеет и национальную специфику, неоднократно подчёркивавшуюся исследователями. В частности, это мотивы,

отсутствующие в византийской традиции, например, мотив «худых риз», «социального опрощения», национальная специфика в изображении подвигов святого, в частности, терпение неблагоприятных климатических условий вместо более тяжелых испытаний, таких как ношение вериг, столпничество и др.

В нашей работе были выделены ключевые мотивы древнерусских житий, набор и последовательность которых определяется типом святости. В своей основе эта последовательность воспроизводит византийские образцы, но при этом в ней возникают свободные связи элементов, обусловленных национальной спецификой. Особого внимания заслуживает влияние фольклорно-мифологической традиции на появление отдельных деталей повествования, авторской интонации и семантики некоторых образов. Фольклорно-мифологическая основа житийных памятников в настоящее время остается не изученной в полной мере.

Система мотивов и сюжетных ситуаций в житийных памятниках является результатом синтеза древних мифологических рассказов, героического эпоса, волшебной сказки и других эпических форм. К ним относятся:

- мифы и сказки о змееборстве (например, житие Георгия Победоносца в Успенском сборнике XII - XIV вв.);
- мифы о культурном герое, приводящем хаос к космосу (жития Феодосия Печерского, Сергия Радонежского и др.);
- героический эпос, мотивы о рождении великого героя, его странствиях и подвигах (жития преподобных);
- мифы о путешествиях в загробный мир, т.н. «шаманские мифы» («Хождение Богородицы по мукам» и др.).

Указанные источники определили целый ряд мотивов, в разных комбинациях функционирующие в житиях разных типов. Наше дальнейшее исследование будет посвящено выявлению жанрового своеобразия видений и их роли в повествовательной структуре житийного жанра.

ГЛАВА 2. АНАЛИЗ ЖАНРОВОЙ ПРИРОДЫ ВИДЕНИЙ В АГИОГРАФИЧЕСКИХ СОЧИНЕНИЯХ

2.1 Жанр видения: истоки и этапы развития

Жанр видения в древнерусских агιογραφических памятниках не был собственно оригинальным и формировался на пересечении нескольких традиций – библейской и византийской. В этом смысле древнерусские тексты представляют собой результат рецепции и переосмысления устойчивых сюжетных и мотивных схем, пришедших через переводные памятники.

Для того, чтобы увидеть проявления жанра видений XII века в составе житийной литературы, мы проанализировали «Сказание об Евстафии Плакиде» и «Житие Феодосия Печерского».

«Сказание об Евстафии Плакиде» - переводное византийское житие-мартирий, в составе которого обнаруживаются элементы византийского приключенческого романа: на главного героя и его семью выпадают

различные несчастья и испытания – он насильственно разлучается с женой, теряет детей, годами считая их погибшими, но впоследствии, по стечению обстоятельств, происходит воссоединение семьи. При этом собственно агиографические мотивы – видение, побудившее Плакиду принять крещение и получить имя Евстафий, а также мученическая смерть за свою веру – выполняют обрамляющую функцию в структуре повествования. [29, с. 146-147]

Несмотря на то, что «Сказание» не является каноничным житийным примером, мы можем обратить внимание на функционирование видений в сюжете.

Плакида – римский воевода, богатый и уважаемый человек, не лишенный доброты и щедрости. За проявленную благодетель Бог пожелал приобщить Плакиду к христианской вере, спасти от идолопоклонства. Это и становится поводом для первого видения: во время охоты Плакида гонится за оленем, который останавливается на скале, затем «над рогами оленя показался святой крест, светящийся ярче солнца, и между рогами – образ святого тела Христова», Бог наделяет оленя человеческим голосом и сообщает Плакиде, чтобы тот окрестился и избавился от грехов.

Структурно данное видение является началом повествования, движущей силой дальнейшего сюжета, который наполнен испытаниями веры Евстафия, общением его с Богом, чудесами, а завершается мученической смертью и приобретением святости. Можно выделить три этапа:

- 1) Плакида отправляется на охоту, гонится за самым большим и красивым оленем, отдаляется от своей свиты;
- 2) Видение: образ креста над рогами оленя, образ Христа между рогами, человеческий голос у оленя;
- 3) Плакида испытывает страх, но прислушивается к голосу Господа и принимает крещение вместе со своей семьей.

Параллельно в тексте сообщается, что его жене Татьяне снился сон, в котором явился Иисус Христос и сообщил ей пророчество о том, что она

вместе с мужем и сыновьями-младенцами обратится к христианской вере. Данное видение не обладает подробным описанием, однако обладает сходной смысловой направленностью и функциональной нагрузкой.

Функция данных видений – сюжетообразующая и откровенческая и иницирующая. Их цель - приобщить язычника и его семью к христианской вере.

На примере «Сказания об Евстафии Плакиде» мы можем увидеть, что видение служит отправной точкой сюжета, репрезентацией божественной воли, однако в оригинальной древнерусской агиографии обнаруживаются иные особенности функционирования жанра видений. Мы проанализируем древнейшие памятники житийной литературы - «Сказание о Борисе и Глебе» и «Житие Феодосия Печерского» с целью выявления структуры и функций видений внутри агиографического повествования.

«Сказание о Борисе и Глебе», дошедшее до нас в Списке Успенского сборника XII века является первым агиографическим памятником, посвящённым русским святым, братьям-князьям Борису и Глебу. Их канонизировали и прославили в чине страстотерпцев после смерти в междоусобных войнах XI века за престол.

Сказание повествует о трагической судьбе сыновей князя Владимира Святославича после его смерти. Стремясь утвердить своё положение на престоле, старший сын Святополк решает устранить возможную угрозу – своих братьев. Младшие Борис и Глеб сознательно отказываются от борьбы, руководствуясь христианскими принципами смирения и братолюбия, и погибают от рук наёмников, посланных старшим братом. Таким образом, они принимают мученическую смерть, не за веру непосредственно, но с христианским смирением, за что и обретают святость и почитаются в чине страстотерпцев.

Жанр видений проявлен в Сказании слабо: упоминается их факт наличия. Убитого Глеба оставили в пустынном месте, и Бог, который не мог бросить «своего раба», святого, «сохранил невредимым и явлениями

ознаменовал: проходившие мимо этого места купцы, охотники и пастухи иногда видели огненный столп, иногда горящие свечи или слышали ангельское пение». Благодаря этим видениям впоследствии было найдено и захоронено тело Глеба вместе с Борисом.

Несмотря на отсутствие четкой структуры в повествовании, можно сказать о функциональной важности данных видений: сюжетобразующая и прославляющая.

Вторым примером русской агиографии является «Житие Феодосия Печерского», составленное Нестором Летописцем предположительно в 80-е годы XI века. Данный памятник представляет собой первое оригинальное древнерусское житие, в котором формируется образ идеального монаха-аскета, ставшего святым тружеником, и одного из основателей Киево-Печерского монастыря. Повествование выстраивается вокруг постепенного духовного становления героя: с детства Феодосий стремится к служению Богу, к смирению и отказу от мирских благ, а после пострига в монахи преподобным Антонием, окончательно посвящает жизнь строгому аскетизму и постоянной молитве Богу. Определяющим принципом поведения Феодосия стало подражание Христу – так он объясняет матери свое желание терпеть осуждение, насмешки, но оставаться смиренным и много трудиться. На протяжении всего повествования мы видим, что Феодосий непрестанно трудится душой и телом, молится и выполняет различные рутинные дела на благо монастыря. [46, с. 681-684]

Значительную часть Жития составляют описания эпизодов из жизни монахов в монастыре. Упоминается борьба Феодосия и иноков с бесами, явление ангела в ответ на молитвы, рассказ о том, как разговаривает икона Богородицы, а также эпизод, в котором разбойники слышат пение ангелов в монастыре, а затем монастырь и вовсе взлетает в небо. После смерти Феодосия над местом его погребения виднеется огненный столп, подтверждающий святость умершего.

Мы проанализируем подробнее видение ангела. Его свидетелем оказывается священник Дамиан, подражавший жизни преподобного Феодосия. Он находился при смерти, молился Богу о том, чтобы Тот не разлучал его с наставником. Ответом ему стало видение Феодосия, а точнее, как скажет позднее сам святой, «ангел, явившийся в образе моем», который утешил Дамиана и пообещал ему встретиться после смерти.

Можно выделить следующую структуру данного видения:

- 1) Молитва в предсмертном состоянии;
- 2) Собственно видение: ангел в образе Феодосия, посланный Богом, который дает обещание встречи после смерти;
- 3) Реакция Дамиана: он внимает увиденному, радуется и затем пересказывает видение самому Феодосию.

На момент видения Феодосий жив, однако в самом повествовании мы видим доказательство, что явление это было трансцендентным: «ибо не видел ни как тот выходил в дверь, ни как входил, и на каком месте появился, на том же снова и стал невидимым».

Присутствует в Житии эпизод с повторяющимися видениями. Когда было разрушено ограждение монастыря, разбойники захотели ограбить церковь. Но услышав пение, сбегает, чтобы дожидаться конца службы. Возвратившись к церкви, они вновь слышали пение и «увидели чудный свет, льющийся из церкви, и благоухание из нее исходило». Произошло это еще несколько раз и всегда ангелы охраняли своим пением церковь от разбойников. А когда они решили «словно дикие звери» наброситься на монахов, произошло чудо: церковь поднялась в небо вместе со всеми, кто находился внутри «так что и стрела не могла бы до нее долететь». В ужасе от увиденного чуда разбойники сбежали. Видение и чудо заставили их раскаяться и даже прийти к Феодосию, чтобы рассказать об увиденном.

В Житии также кратко сообщается, что Феодосий боролся с бесами молитвой-оберегом и молитвой для их изгнания, однако подробностей о моменте видения нет. Тема злых духов, бесов, является необходимой в житиях

святых. Каждая победа веры над злом должна фиксироваться и служить примером для будущих праведников, поэтому каждый эпизод с бесами образуют «своего рода корпус быличек специального назначения и остро-прагматического характера». [46, с. 689-692]

Повторяется элемент, который присутствовал в «Сказании о Борисе и Глебе»: после смерти Феодосия князь Святослав увидел огненный столп над местом захоронения святого. Таким образом, мы вновь наблюдаем прославляющую функцию видения.

Сопоставление «Сказания об Евстафии Плакиде» со «Сказанием Бориса и Глеба» и «Житием Феодосия Печерского» позволяет нам выявить различия в функционировании жанра видения внутри более крупных жанров. В переводном памятнике видение становится импульсом к дальнейшему повествованию, движущей силой сюжета, в то время как оригинальная древнерусская агиография по-своему понимает и включает видения в Жития. Подобные явления трансцендентного мира будут описаны в агиографии следующих веков, эволюционируя и приобретая четкую структуру.

2.2 Особенности жанра видения в XIII века

Киево-Печерский патерик является одним из наиболее значимых историко-церковных памятников древнерусской литературы, а также первый пример памятника патерикографии. Составленный в начале XIII века, он собрал в себя 38 Слов, в основу которых легла переписка епископа Симона Владимирского и Суздальского с монахом Киево-Печерского монастыря Поликарпом. Патерик представляет собой многослойный свод текстов. Их объединяет общая задача – сохранение памяти о духовных подвигах первых иноков монастыря и утверждение идеала монашеской жизни. Известно, что данный патерик подвергался неоднократным изменениям. [25, с. 126]

Изучив все рассказы патерика, мы обнаружили видения различного рода в 12 из них: первые четыре Слова и видения в них объединяются в одну группу – Слово о создании церкви.

В Слове 1 "Благослови, Отче" варяг Шимон становится свидетелем образа церкви дважды: раненный, он видит "церковь превеликую" на небе, затем молится о спасении и исцеляется. Затем, молясь о спасении в бушующем море, вновь видит церковь и слышит голос Господа. Он сообщает величину будущей церкви, измеряемой золотым поясом, взятым Шимоном с образа Христа. В данном рассказе видения переплетаются с иным жанром - чудо.

Слово 2 "О приходе мастеров церковных из Царьграда к Антонию и Феодосию" начинается с рассказа четырех греческих мастеров, которым явилась Богородица с ангелами в образе царицы Влахерны и ее воинов. Она просит мастеров отправиться в Киев и построить церковь, именуемую "Богородицыной".

Слово 4 "О приходе иконописцев к игумену Никону из Царьграда" также объединяет видения и чудеса. Будущим иконописцам Печерской церкви она же и видится дважды в небе. На второй день является наместная икона, которая говорит о предназначении мастеров расписать церковь.

Особенности структуры видений пересказанных ранее эпизодов о создании церкви были описаны в работе Т.И. Ковалевой. Она определила, что видения можно выделить из повествования только по смыслу, а не по явным формальным признакам. В текстах чаще встречаются видения, по структуре состоящие из двух-трех составляющих. Они связаны между собой наличием представителя потустороннего мира, который знаменует один из этапов создания церкви. Есть лишь одно исключение – видения варяга Шимона, так как их структура осложнена связью с чудом.

Для анализа мы выбрали следующие рассказы патерика, включающие в себя видения. Они приобретают иную цель: святые Антоний и Феодосий пекутся о братии в монастыре даже после своей смерти, а ангелы и демоны борются за души монахов.

Слово 10 "О том, как была окована рака преподобного отца нашего Феодосия Печерского" включает три видения. Два из них были у боярина Василия. Георгий, сын Шимона, отправляет Василия в Киев с деньгами, чтобы

оковать гроб святого Феодосия. Боярин едет выполнять поручение, однако проклинает данное ему задание, свою жизнь и Бога. Ночью к нему приходит святой Феодосий и предупреждает о наказании за роптание. Василий не прислушивается и подвергается ограблению вместе со своими спутниками, у него остается лишь золото и серебро, предназначенное для окования гроба. Часть денег он растрчивает и второй раз получает в наказание тяжёлые увечья, упав с коня. Святой является ему второй раз с призывом покаяться в своих грехах, и тем самым получить исцеление. Василий просит спутников отнести его в Печерский монастырь. Игумен этого монастыря был свидетелем третьего видения: незнакомец велит отнести Василия к гробу святого Феодосия и обличить в трате денег.

Слово 15 «Сказание Симона, епископа Владимирского и Суздальского, о святых черноризцах печерских и о том, почему должно иметь усердие и любовь к преподобным отцам Антонию и Феодосию печерским» содержит четыре видения. Жил в монастыре пресвитер Онисофор, который не разглядел в своем близком друге и ученике лицемера и грешника, а когда тот умер, отнес его в пещеру ко всем умершим монахам. За такое осквернение святого места его тело издавало смрад, и были слышны из пещеры мучительные стоны. Ночью святой Антоний явился Онисофору с гневом, требуя вынести из святой пещеры грешника. Очнувшись от видения Онисофор молится, а в ответ слышит голос ангела, но ничего не предпринимает. На следующую ночь Антоний вновь требует вынести тело из пещеры, Онисофор молится и второй раз отвечает ему ангел «если хочешь, – помоги ему». На этот раз пресвитер решает исполнить поручение святого Антония, однако святой сам останавливает Онисофора, сообщая, что смиростивился над согрешившим, молился за него Господу. Четвертым видением является сам Бог – он сообщает игумену Пимену о том, что греховный черноризец прощен.

Признаком эволюции жанра становится увеличение количества видений в одном рассказе, и это мы можем отметить на примере изложенных

выше 10 и 15 Слов. Для наглядности представим их структуру, чтобы отметить особенности функционирования видений:

Слово 10

- 1) Василий совершает грех;
- 2) Первое видение: святой Феодосий с просьбой покаяться;
- 3) Наказание за ослушание;
- 4) Второе видение: святой Феодосий сообщает, как можно исцелиться через покаяние в монастыре;
- 5) Василий прислушивается, просит отнести его в монастырь;
- 6) Третье видение, параллельное второму: святой Феодосий просит игумена проверить Василия на готовность к покаянию;
- 7) Игумен исполняет поручение.

Слово 15

- 1) Онисофор провинился;
- 2) Первое видение: разгневанный святой Антоний требует вынести тело грешника из святой пещеры;
- 3) Онисофор молится, но не выполняет поручение, размышляет;
- 4) Второе видение: святой Антоний повторяет свое требование;
- 5) Онисофор прислушался и приступает к выполнению;
- 6) Третье видение: святой Антоний смилостивился над умершим;
- 7) Онисофор радостно передает весть игумену и братии;
- 8) Игумен Пимен в недоумении от случившегося молится Богу о спасении души греховного брата;
- 9) Четвертое видение: игумену Пимену отвечает голос Божий, что помиловал грешника;

10) Игумен пересказывает видение братии.

На примере двух рассказов мы можем определить, что явление святого оказывается ответом на проступки героев-визионеров. Их цель – дать совет, вернуть на истинный путь через покаяние, они переживают о душах своих духовных братьев. В случаях, когда одного видения недостаточно, оно повторяется, усиливая воздействие на героя.

Образы святых Антония и Феодосия еще дважды повторяются в видениях Киево-Печерского патерика в более простых структурах. Расскажем о них подробнее.

Слово 21 «О Еразме-черноризце, который растратил имение свое на святые иконы и за них спасенье получил». Монах Еразм заболел, пренебрегая монашеской жизнью. Пребывая восемь дней в полуживом состоянии, он молился и ему явились святые Антоний и Феодосий с посланием, что Еразму даровано время для покаяния.

Слово 29 «О многотерпеливом Иоанне Затворнике» об Иоанне, который искал покоя и спасение от плотских помыслов. Помолившись в пещере, где лежал святой Антоний, он видит и слышит святого, который дает ему наставление – стать затворником. Следующее видение – «змей» - было послано дьяволом, который искушал Иоанна, мучил и спасением была молитва. Видение объединяется с чудом: «блеснула молния, и лютый тот змей исчез от меня».

Эти рассказы объединены одной тематикой видений: Святые Антоний и Феодосий отзывались на молитвы монахов и являлись им с каким-нибудь посланием или просьбой.

Упоминаются в патерике видения, включающие героев «верхнего» и «нижнего» миров. Представителями «верхнего» мира – Рая -- выступают ангелы, бесплотные существа, занявшие промежуточное положение между Богом и людьми. Древнерусский читатель знакомится с ними через христианскую веру, иконопись, книжные миниатюры и церковную музыку, а затем - через церковную литературу. Дуалистическая модель мира, основанная

на оппозиции Рая и Ада, предопределяет значимость не только ангельских образов, но и демонических. В жизни святого, избравшего путь вечной молитвы и смирению, особенно важно бороться с демонами, искушениями и злом в целом. В своей статье Э. Малэк отмечает, что чрезвычайно значимым для мировосприятия средневекового человека была кончина, переход из нашего мира в иной, в связи с этим в письменной традиции распространялся мотив борьбы ангелов с бесами за душу умирающего человека [31].

Подтверждением этому служит Слово 22 «Об Арефе-черноризце, как украденное у него ворами богатство в милостыню вменилось, благодаря чему он получил спасенье». Арефа был богат и скуп всю жизнь, а когда его обокрали, обвинял невинных, собственных духовных братьев. Так сильно он злился об утерянном богатстве, что был готов умереть. Находясь в предсмертном состоянии, он увидел ангелов и бесов. Ангелы хотели, чтобы он покался, воспринял утраченное как милостыню, а бесы уже готовы были забрать его душу за то, что он жаден. Ариф стал каяться и заслужил прощение, «и ангелы, возрадовавшись, вписали в милостыню пропавшее серебро».

Иной образ ангела появляется в Слове 23 «О двух братьях, о Тити-попе и о Евагрии-диаконе, враждовавших между собой». Братья Тит и Евагрий от чего-то поссорились, долго держали обиду друг на друга, а когда оказался Тит при смерти, попросил привести к нему Евагрия, чтобы наконец помириться. Однако озлобленный Евагрий воспротивился и внезапно упал замертво, в то время как Тит мгновенно выздоровел. Затем герой пересказывает братии, что в это время видел он ангелов и бесов, а когда Евагрий отказался прощать брата, «ангел немилостивый» пронзил копьем Евагрия.

Ангел оказывается не просто наблюдателем, не просит о покаянии, а выступает в роли судьи. Дополняется это видение предостережением рассказчика не нарушать Божьи заповеди.

Все эти видения сюжетообразующие, они необходимы рассказам, создавая канву повествования и являясь теми примерами, которые можно

закрепить мыслью, цитатой из Библии, то есть подкрепить дидактический характер Слов.

Следующее видение мы находим в «Житии Александра Невского». Памятник был написан во второй половине XII века и до вплоть XVI века служил неким эталоном изображения русских князей, а именно их воинских подвигов [28].

Автор жития, книжник из окружения митрополита Кирилла, называет себя современником князя и очевидцем его жизни. Он создает жизнеописание князя, однако не ставит перед собой задачу написать полную его биографию. Житие представляет собой изложение ключевых, с точки зрения автора, эпизодов жизни Александра Невского, которые формируют героический образ князя-воина, талантливого полководца и мудрого политика. [14, с. 515]

Автор последовательно обращает внимание на божественное покровительство князю. Начинает он повествование с упоминания благочестивых и милосердных родителей, характерного для житийной литературы, а при описании боевых побед Александра Невского указывается невозможность победы без поддержки Бога. На такую помощь могут надеяться лишь убежденные в своей православной вере люди, от князя до его дружинника [33].

Согласно этому, видение в данном Житии является старейшине Ижорской земли Пелугию, который был крещен именем Филипп и богоугодно жил. Незадолго до битвы со шведами его поставили в ночной дозор у моря, а на рассвете он услышал шум и увидел насад с гребцами и святыми Борисом и Глебом. Он услышал их благословение к грядущей битве Александра и пересказал обо всем ему.

Анализируя описанное выше короткое видение, мы можем отметить реакцию героя-тайнозрителя – он напуган, что было нетипично для поведения героев видений ранних агиографических текстов.

Структура видения несколько упрощена, так как нет предпосылок явления видения Пелугию – он не главный герой жития, не молится и не

согрешает. Однако он слышит и видит святых, а затем пересказывает их слова о помощи своему родственнику, князю Александру Невскому, что характерно для тайнозрителей – поделиться услышанным и увиденным пророчеством. Для всего повествования видение является лишь вставным эпизодом, композиционно приуроченным победе в будущей Невской битве. Он органично включен в житийный сюжет, подтверждая божественное покровительство Александру Невскому.

Таким образом, анализ патериковых рассказов и «Повести о житии Александра Невского» показал нам, что видения в древнерусской традиции развиваются, расширяется круг образов, которые видят герои: святые наставляют монахов и бояр. Проявляется новая функция видений – пророческая, а также усложняется их структура, оформляясь в сложную композиционную модель.

2.3 Художественная специфика видений в агиографии XIV века

Житийная литература XIV века стремится раскрыть внутренний мир одного человека, вследствие чего приобретает большую эмоциональность. Житийный герой стремится к уединению, молитвам вне церкви и к отдалению от общества в пустыню. Данная тенденция свидетельствует о развитии личностного начала в древнерусском мировоззрении [28].

Экспрессивно-эмоциональный стиль впервые проявляется в трудах митрополита Киприана - автора второй редакции «Жития святого Петра» (80-е годы XIV века). Житие является его главным литературным достижением. Киприан канонично оформил первоначальное Житие, а также добавил живописности повествованию.

Видение в данном агиографическом памятнике мы находим в самом начале. Беременной матери будущего святого снится ягненок, между рогов которого выросло густое дерево с плодами и цветами, а посреди его ветвей были свечи. Эпизод заканчивается недоумением матери о значении увиденного ею образа.

Видение носит пророческий характер. Образ ягнёнка соотносится с чистотой и христианской кротостью, дерево – с духовным возрастанием и жизненной полнотой, плоды и цветы – благодатные дары, а свечи – божественный свет. Таким образом, символически наполненное видение репрезентует будущую святость Петра.

Расположение видения в самом начале повествования задает читателю установку на восприятие героя как Божьего избранника и предполагает постепенное раскрытие своего смысла в ходе дальнейшего жизнеописания.

«Житие преподобной Евфросинии, игумении Полоцкой» относится к числу значимых памятников древнерусской агиографии, в которых в полной мере проявляются характерные черты литературы зрелого периода: внимание к духовному пути личности, усиление психологизма и особая роль видений в структуре повествования.

В Житии мы обнаруживаем два видения, которые знаменуют два важных события в жизни преподобной.

В первый раз, во сне, Евфросиния видит ангела, который указал ей место для будущего монастыря, который она должна основать. Видение повторяется трижды, после чего удивленная Евфросиния обращается к Богу со словами, что готова принять уготованное ей богоугодное дело. Затем видение посещает епископа: ангел передает ему ту же весть о будущем женском монастыре. Епископ прислушивается к посланию и вместе с Евфросинией они благодарят Бога за данное им видение. Вскоре преподобная исполняет божью волю.

Данный эпизод выполняет предписывающую функцию, определяя дальнейшие действия святой.

Во втором видении раскрывается судьба Евфросинии: героине открывается заключительный этап жизненного пути. Событие происходит во время ее болезни в Иерусалиме. Евфросинии является ангел, который сообщает о том, как закончится ее жизнь: скорая смерть и обретение покоя в небесном мире. Такой тип видений можно отнести к индивидуально-

пророческим, т.к. они касаются личных событий жизни святого и имеют целью поддержать святого на переходе от жизни земной к жизни небесной, укрепить его силы, предзнаменовать будущее блаженство. Тем самым, можно говорить о ключевой связующей функции видений в этом памятнике, охватывающих главные биографические события произведения: призвание героини и ее кончину.

2.4 Классификация жанровых разновидностей видений в агиографических памятниках

Исходя из поставленной во введении задачи, мы предприняли попытку классифицировать выявленные и рассмотренные нами видения как структурные элементы первых оригинальных древнерусских агиографических памятников. В качестве основных критериев для классификации были отобраны:

- тип героя;
- сюжетно-композиционная функция видения в структуре агиографического повествования;
- адресант видения (высшая сила как инициатор события видения)

В качестве основного мы рассматриваем критерий, связанный с типом героя-тайнозрителя. В первую очередь на основе этого критерия выделяются видения с героем-представителем небесного мира (Богородица, ангелы), с героем-святым (видения преподобных, святителей и др.); с героем-обыкновенным земным человеком (видения воинам свв. Бориса и Глеба) и видения представителей «нижнего мира», ада (бесы, грешники).

Вторым критерием является сюжетно-композиционная роль видения, например, это может быть ситуация «герою оказывают помощь», «герой получает пророчество для прохождения будущих жизненных этапов» и др.

Рассмотрим видения, в которых героем-тайнозрителем является представитель «верхнего мира», рая:

К таким видениям можно отнести переводной апокриф «Хождение Богородицы по мукам», «Видение Исаия», «Видение Григория, ученика Василия Нового» и другие памятники. Характерно, что перед нами самостоятельный жанр видения, не получивший первоначально развития в Древней Руси в качестве оригинальной литературы, древнерусские книжники довольствовались переводами, однако дополняли их различными деталями, имевшими национальный колорит.

1. Видения, в которых тайнозрителем является святой. К этому типу относится рассмотренное житие Евфросинии Полоцкой и многие другие памятники, в которых святой видит ангелов, Богородицу, Христа и других представителей высшего мира в качестве утешения, пророчества, назидания и т.д.

2. Видения, в которых тайнозрителем является обыкновенный, но благочестивый человек, имеют иную роль в сюжетно-композиционной структуре жития. Например, в «Житии Александра Невского» мы видим обыкновенного человека – Пелгусия, которому являются свв. Борис и Глеб накануне сражения. В этом типе видений на первый план выдвигается такая функция тайнозрителя, как «вестник»: простой благочестивый дозорный (житель Ижорской земли, т.е. представитель финно-угорских народов), становится тайнозрителем благодаря своему благочестию, а также божественному избранию в качестве вестника будущей победы. В житии митрополита Петра мать героя перед рождением ребенка видит ягненка, что интерпретируется как пророчество о рождении великого подвижника.

Если рассматривать типологию видений на основе их сюжетно-композиционной функции в агиографическом произведении, то можно выделить видения, в которых герой получает пророчество о будущих событиях (например, житие Евфросинии Полоцкой), видения, помогающие герою решить ту или иную жизненную задачу и видения, заставляющие героя

совершить конкретные действия. Например, Слово 29 Киево-Печерского патерика, в котором св. Антоний является монаху и призывает стать затворником. К этой же группе можно отнести видение из жития Феодосия Печерского, в котором ангелы защищают монастырь от разбойников. Что касается видений с функцией суггестивного воздействия на героя, к ним можно отнести Слово о создании церкви Киево-Печерского патерика: герой получает повеление строить и украшать церковь и монастырь. Также в Слове 10 мы видим св. Антония, повелевающего боярину покаяться в грехах. Видения как призывы к покаянию в Киево-Печерском патерике являются самыми частотными. В качестве адресанта видения выступают обычно св. Антоний и св. Феодосий Печерский, их адресатами-тайнозрителями оказываются грешные монахи. Завершается такой сюжет покаянием и исправлением грешника.

Также можно выделить видения-утешения, в которых герой-тайнозритель получает божественную помощь в прохождении жизненных испытаний, предусмотренных житийным канонам: гонения, поношения, смерть и др. Самым частотным является вариант видения, утешающего героя перед кончиной. Это Слово 32 Киево-Печерского патерика, житие Евфросинии Полоцкой и другие. Также видение-утешение может быть связано с таким испытанием, как расставание с учителем-духовным наставником. Так, в Житии Феодосия Печерского Дамиан в видении узнает о будущей встрече с любимым наставником Феодосием после смерти.

Также можно выделить еще один тип видений, являющихся подтверждающими статус святого в глазах современников, учеников или отдельных лиц. Так, например, в Житии Феодосия Печерского после смерти святого над его могилой люди видят огненный столп. Эта сюжетная ситуация связана не только с общей сюжетной структурой жития о преподобном, но и с правилами канонизации святого, для которой требовались посмертные чудеса, тем самым мы наблюдаем внетекстовые мотивировки сюжетных элементов канона. К такому типу видений можно отнести и различные знаки, также

помогающие найти место захоронения: огненный столп и пение ангелов указываются на место гибели Глеба.

Также можно выделить видения-наказания. Например, в Слове 23 Киево-Печерского патерика рассказывается о смерти монаха, которого пронзает копьём ангел за отказ простить умирающего. Такой тип видений встречается достаточно редко.

Выделяется также тип видений, адресантом которых являются представители «нижнего мира», бесы, дьявол, великие грешники. Например, сюжетная ситуация искушения Феодосия Печерского на этапе духовной борьбы с искушениями: бесы являются ему с шумом и криками, пытаются отвлечь от духовного подвига. Подобную ситуацию встречаем в Слове 29 патерика, где происходит явление «змея», пытающегося помешать затворнику в его молитвенном подвиге. Видения, в которых появляются ангелы и бесы, борющиеся за душу героя, можно считать смешанным вариантом, например, в Слове 22 патерика умирающий герой видит полки ангелов и бесов, сражающиеся за его душу.

Выводы ко второй главе

Анализ агиографических памятников XII-XIV вв. показал ключевую сюжетно-композиционную и идейно-тематическую роль жанра видения в структуре произведений, относящихся в житийной литературе.

На основе проделанного исследования можно сделать следующие выводы:

Видения являются ключевым элементом житийного повествования, тесно связанным с общей сюжетной канвой произведения, композицией, образной системой и другими элементами агиографического текста. С помощью видений актуализируются наиболее важные этапы жизни святого, например, рождение, призвание к служению, искушения, смерть и прославление. Кроме того, видения являются важным объяснительным

элементом произведения, демонстрирующим общую религиозную концепцию агиографического жанра, систему оценок и норм, транслируемых адресантом видения.

В работе была представлена типология видений, выделенная на основе различных критериев и их комбинации, что позволило уточнить и детализировать взаимосвязи между типом святости главного героя и соответствующей разновидностью житийного канона.

Также в работе были выявлены принципы организации повествования в видении на архитектурном уровне как реализация бинарной оппозиции «верхнего» и «нижнего» мира. Представители «верхнего мира» (Богородица, святые, ангелы) как правило являются инициаторами видений или посланниками, реализующими функции пророчества, утешения, приказания и др. Представители «нижнего мира», чаще всего выполняют функцию вредительства, устрашения и фигурируют во взаимосвязи с мотивом испытаний святого на пути обретения святости. Встречаются и синтетические варианты, в которых представлена борьба сил «верхнего» и «нижнего» мира, знаменующая душевную борьбу героя перед лицом смерти.

Таким образом, жанр видения предстает целостным структурным образованием, имеющим свою внутреннюю систему мотивов, сюжетно-композиционную структуру и семантику, и при этом являющимся составной частью агиографического повествования

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В нашем исследовании была рассмотрена специфика древнерусской агиографической литературы, её жанровая система и художественные особенности, а также проанализирована роль и функции видений в структуре житийных текстов. Обращение к памятникам древнерусской словесности позволило установить, что агиография занимает важное место в литературе Средневековой Руси, выступая не только как форма религиозного повествования, но и как важнейший способ передачи читателям духовных, нравственных и идеологических ценностей.

Также нами была рассмотрена специфика функционирования и инкорпорирования жанра видений внутри текстов древнерусской агиографической литературы. Основная роль видения — демонстрация читателю святости главного героя, объяснение мотивов его поступков, утешение или назидание героя, приводящее к дальнейшему развитию сюжета.

Видения обладают в рамках жанра агиографии выраженной композиционной значимостью: они структурируют житие, выделяя ключевые моменты духовного пути святого — призвание, утверждение святости и завершение земной жизни. В зависимости от контекста видения могут приобретать пророческо-прогностическую, императивно-дидактическую или эсхатологическую направленность.

Цель исследования заключалась в выявлении механизмов инкорпорирования жанра видения в структуру агиографического текста и определении его функциональной роли в рамках более сложного жанрового образования. В соответствии с поставленной целью были решены следующие задачи: были описаны способы включения видений в структуру жития; определены их основные функции в повествовании, и предложена их типология на основе небольшого корпуса Житий XII – XIV веков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

1. Житие Александра Невского // Библиотека литературы Древней Руси / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом) ; под. ред. Д. С. Лихачева и др. - Санкт-Петербург : Наука, 1997-. / Т. 5: XII век. – 1997 – С. 358-369.
2. Житие Евфросинии Полоцкой: [сайт]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Dmitrij_Rostovskij/zhitija-svjatykh/448#source (дата обращения: 25.05.26)
3. Житие митрополита Петра: [сайт]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Dmitrij_Rostovskij/zhitija-svjatykh/1126 (дата обращения: 25.05.26)
4. Житие Феодосия Печерского // Библиотека литературы Древней Руси / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом) ; под. ред. Д. С. Лихачева и др. - Санкт-Петербург : Наука, 1997-. / Т. 1: XI-XII век. - 1997. – С. 352-434.
5. Киево-Печерский патерик // Библиотека литературы Древней Руси / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом) ; под. ред. Д. С. Лихачева и др. - Санкт-Петербург : Наука, 1997-. / Т. 4: XII век. – 1997 – С. 296-490.
6. Сказание о Борисе и Глебе // Библиотека литературы Древней Руси / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом) ; под. ред. Д. С. Лихачева и др. - Санкт-Петербург : Наука, 1997-. / Т. 1: XI-XII век. - 1997. – С. 328-351.

7. Сказание о Евстафии Плакиде // Библиотека литературы Древней Руси / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом) ; под. ред. Д. С. Лихачева и др. - Санкт-Петербург : Наука, 1997-. / Т. 3: XI-XII век. - 1997. – С. 10-27.

Научная литература

8. Абрамович Д.И. Исследование о Киево-Печерском патерике как историко-литературном памятнике / Д.И. Абрамович. – СПб: Тип. императорской акад наук, 1902. – 213 с.
9. Аверина С. А. Агиография Древней Руси как литературный жанр // Палеороссия. Древняя Русь во времени, в личностях, в идеях. – 2021. – №. 3 (15). – С. 75-83.
10. Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы / С.С. Аверинцев. – М.: Coda, 1997. – С. 135–156. – 343 с.
11. Афиногенов Д. Е., Руди Т. Р. и др. Житийная литература // Православная энциклопедия. Т. 19 М., 2008 С. 284.
12. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров / М. М. Бахтин // Бахтин М. М. Собр. соч. — М. : Русские словари, 1996. — Т. 5: Работы 1940-х — начала 1960-х годов. — С. 159—206.
13. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М., Художественная литература, 1975.
14. Библиотека Древней Руси. Т. 5 : XII век / Российская академия наук, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) ; под редакцией Д. С. Лихачёва, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. — Санкт-Петербург : Наука, 1997. — 583 с.
15. Бескова, И. А. Как возможно творческое мышление? / И. А. Бескова ; Рос. Акад. Наук, Ин-т философии. — М. : ИФРАН, 1993. — 195 с.
16. Гуревич А. Я. Западноевропейские видения потустороннего мира и «реализм» средних веков / А.Я. Гуревич // Учен. зап. Тартуск. гос. ун-та.

- Труды по знаковым системам. – Тарту, 1977. – Т. 8. – Вып. 411. – С. 3–27.
17. Гуревич А. Я. Избранные труды. Средневековый мир. – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования " Санкт-Петербургский государственный университет", 2007.
18. Дергачева И.В. Эсхатологические представления в русской литературе XI-XIX в. (на материале Житий и Синодиков). Автореф. ... д. филол. н. / И.В. Дергачева. – М., 2004. – 47 с.
19. Дорофеева Л. Г. Проблемы изучения русской агиографии // Слово. ру: балтийский акцент. – 2017. – Т. 8. – №. 1. – С. 11-23.
20. Журавлева И.А. Александр Свирский / И.А. Журавлева, О.А. Полякова // Православная энциклопедия / Под общ. ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. – Т. 1. – М.: Православная энциклопедия, 2000. – С. 536 – 539.
21. Клосс Б.М. Избранные труды // М.: Яз. рус. культуры, 1998-. Т. 2: Очерки по истории русской агиографии XIV-XVI веков. - 2001. - 488 с.
22. Ключевский, В. О. Православие в России / В. О. Ключевский ; сост., вступ. ст., коммент. А. Ф. Смирнова. — М. : Эксмо : Яуза, 2004. — 608 с.
23. Ковалева Т. И. Структурно-смысловые особенности видений в «Слове о создании церкви...» в Киево-Печерском патерике //Сибирский филологический журнал. – 2006. – №. 1-2. – С. 4-8.
24. Ковалева Т. И. Видения в агиографических памятниках древнерусской литературы XIII–XVII вв.: жанровая эволюция и сюжетосложение. – 2017.
25. Кусков В. В. История древнерусской литературы. – Общество с ограниченной ответственностью Издательство ЮРАЙТ, 2018.
26. Жития святых в древнерусской письменности: Тексты. Исследования. Материалы / Отв. редактор, сост., вступит. ст. М. С. Крутовой. М.:

- Православный Свято-Тихоновский Богословский институт, 2002 – 222 с.
27. Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы – М.: Наука, 1979. – 360 с.
28. Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X–XVII веков: эпохи и стили. – Л.: Наука, 1973. – 254 с.
29. Лихачев Д. С. Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1 (XI — первая половина XIV в.) // АН СССР. ИРЛИ ; отв. ред. Д. С. Лихачёв. — Л. : Наука, 1987. — 493 с.
30. Лихачев Д. С. Словарь книжников и книжности Древней Руси // АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушк. дом) ; отв. ред. Д. С. Лихачев. Вторая половина XIV–XVI в. Ч. 1: А–К. — Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1988. — 515, с.
31. Малэк Э. Образы ангелов в древнерусской письменности (ангелы грозные, тихие и милостивые) // Труды Отдела древнерусской литературы. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. — Т. 54. — С. 201–210.
32. Мелихов М. В. Сюжетная организация цикла видений печорского старообрядца С. А. Носова // Уральский сборник: История. Культура. Религия. — Екатеринбург, 1998. — С. 154–164.
33. Морозов Н. Г. Повесть о житии Александра Невского: особенности стиля и образной системы» / Н. Г. Морозов // Ипатьевский вестник. — 2021. — № 3. — С. 117–123.
34. Ольшевская Л.А. «Прелесть простоты и вымысла...» / Л.А. Ольшевская // Древнерусские патерики / Изд. подгот. Л.А. Ольшевская, С.Н. Травников; отв. ред. А.С. Демин. – М.: Наука, 1999. – С. 233–252.
35. Орлов А. С. Курс лекций по древнерусской литературе XI–XVI вв. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939. — 288 с.
36. Пигин А. В., Юхименко Е. М. Видения потустороннего мира в русской рукописной книжности. – Дмитрий Буланин, 2006.

37. Прокофьев Н. И. О мировоззрении русского средневековья и системе жанров русской литературы XI-XVI вв // Литература Древней Руси. – 1975. – №. 1. – С. 5-39.
38. Прохоров Г. М. Памятники переводной и русской литературы XIV–XV веков. — Л.: Наука, 1987. — 290 с.
39. Прохоров Г. М. Святые в истории Руси X–XVIII вв. // Труды Отдела древнерусской литературы. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. — Т. 53. — С. 3–20.
40. Ромодановская Е.К. Рассказы сибирских крестьян XVII–XVIII вв. о видениях (К вопросу о специфике жанра видений) // Ромодановская Е.К. Сибирь и литература. XVII век. Новосибирск: Наука, 2002. С. 292–313.
41. Руди Т. Р. Топика русских житий (вопросы типологии) //Русская агиография. Исследования. Публикации. Полемика. СПб. – 2005. – Т. 1. – С. 59-101.
42. Рыжова Е. А. Жанр видений в севернорусской агиографии //Русская агиография. Исследования. Публикации. Полемика. – СПб.: Дмитрий Буланин. – 2005. – С. 160-195.
43. Садыков П. Д. Особенности построения агиографических произведений // Вестник Московского университета. Сер. 9: Филология. — 1974. — № 3. — С. 45–53.
44. Соболева А. Б. Жанр видений в древнерусской литературе (на материале Азбучного патерика) //Проблемы исторической поэтики. – 2016. – №. 4. – С. 153-169.
45. Творогов О. В. О «Своде древнерусских житий» //Русская агиография. Исследования. Публикации. Полемика. СПб.: Дмитрий Буланин. – 2005. – С. 3-59.
46. Топоров В. Н. Святость и святые в русской духовной культуре. Том I. Первый век христианства на Руси – М.: «Гнозис» - Школа «Языки русской культуры», 1995. – 875 с.

47. Тюпа В. И. Жанр и дискурс // Критика и семиотика. — 2011. — Вып. 15. — С. 31–42.
48. Ужанков А. Н. Стадиальное развитие русской литературы XI–первой трети XIII века Теория литературных формаций. Монография. – М.: Издательство Литературного института им. А.М. Горького, 2008. – 528 с.
49. Ужанков А. Н. Картина мира древнерусского книжника. Категории русской средневековой культуры [Электронное сетевое издание]. — М.: Институт Наследия, 2022. — 212 с.
50. Федотов, Г. П. Святые Древней Руси / Г. П. Федотов ; вступ. ст. и коммент. С. С. Бычкова. — Москва : Московский рабочий, 1990. — 271 с.
51. Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра / О. М. Фрейденберг ; подготовка текста, общая редакция и послесловие Н. В. Брагинской. — Москва : Лабиринт, 1997. — 445 с.
52. Ярхо, Б. И. Средневековые видения от VI по XII век / Борис Ярхо. — Москва: Новое литературное обозрение, 2024. — 288 с.